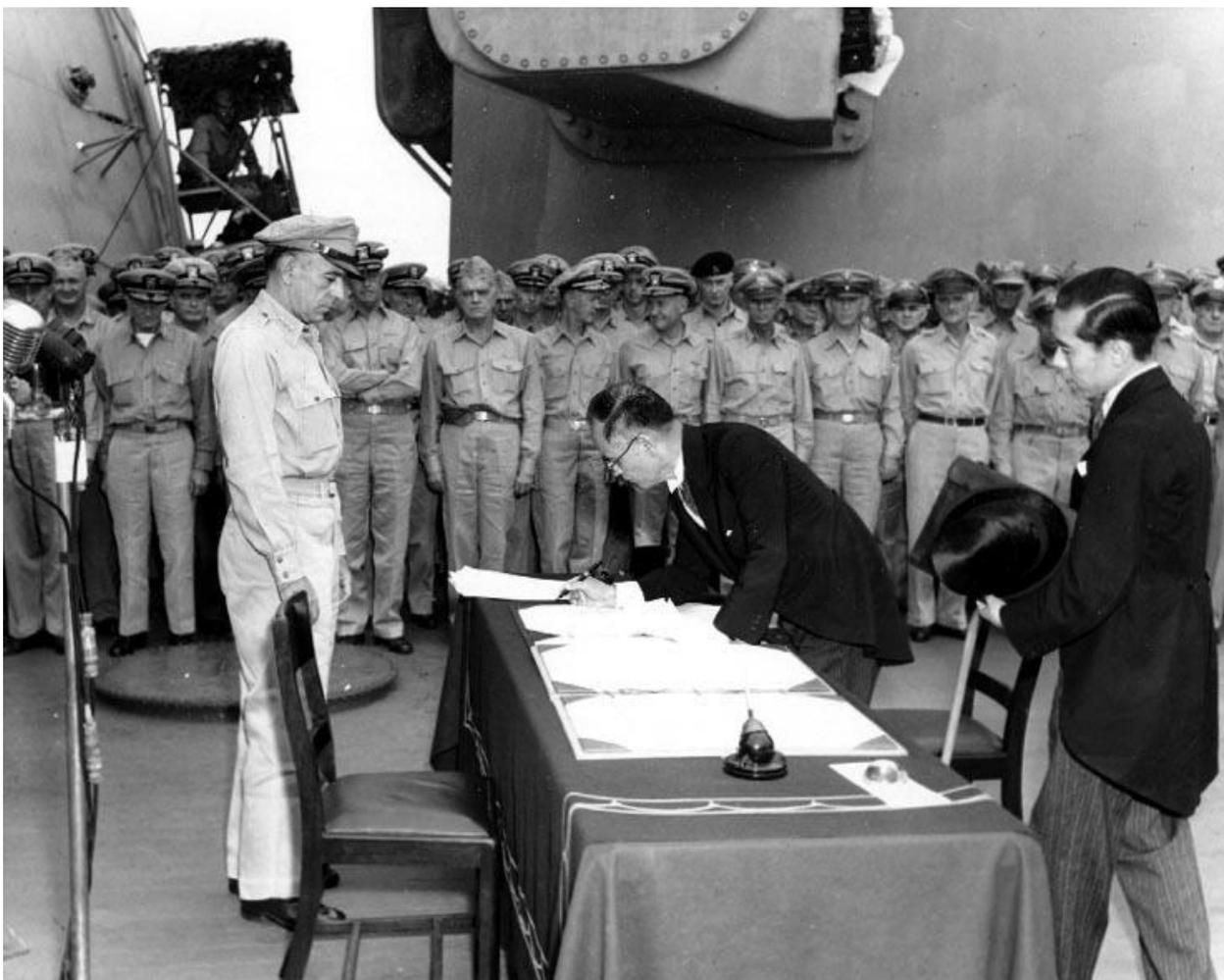

Советский Союз и капитуляция Японии

2 сентября 1945 г. на борту американского линкора «Миссури» в Токийском заливе представители победивших союзных держав и поверженной Страны восходящего солнца поставили подписи под Актом о безоговорочной капитуляции Японии. Вторая мировая война закончилась – на Тихом океане и везде.

Мир наступил, но вопросы остались. Почему японцы, сражавшиеся с беззаветной, порой безумной храбростью, дисциплинированно сложили оружие? Почему Токио сначала отверг Потсдамскую декларацию союзников и решил продолжать бессмысленное сопротивление, а потом согласился на её условия? И, пожалуй, главный вопрос: что сыграло решающую роль в принятии решения о капитуляции – американские атомные бомбардировки Хиросимы и Нагасаки или вступление СССР в войну с Японией?

Вопрос не только исторический, но и политический. Если первое, то американцы спасли сто миллионов японцев ценой жизни нескольких сот тысяч, а Советский Союз повел себя как «вор на пожаре», мягко говоря, воспользовавшись затруднительным положением соседа. Если второе, то наша страна имела полное право как минимум на свою долю военных трофеев и на участие в управлении побеждённой Японией. Американская и подконтрольная ей японская пропаганда придерживались первой точки зрения, советская пропаганда – второй.

Американский историк русского происхождения Джордж Ленсен остроумно заметил: «Естественно, что история войны на Тихом океане для американского читателя будет включать фотографию генерала Макартура, когда он на палубе «Миссури» ставит подпись под Актом о капитуляции Японии, в то время как аналогичная история для советского читателя покажет ту же сцену, но с генерал-лейтенантом Кузьмой Деревянко, подписывающим Акт, в то время как Макартур и все остальные будут стоять на заднем плане».

Для ответа на этот вопрос нам придётся вернуться на месяц с небольшим назад от описываемых событий – на Потсдамскую конференцию «большой тройки». 26 июля Потсдамская декларация США, Великобритании и Китая (Чан Кайши поставил подпись «по телеграфу») потребовала безоговорочной капитуляции Японии. «Ниже следуют наши условия. Мы не отступим от них. Выбора никакого нет. Мы не потерпим никакой затяжки... Иначе Японию ждёт быстрый и полный разгром». Заранее заготовленная американцами декларация в одном из вариантов предусматривала подпись Сталина. Президент Гарри Трумэн объявил, что отправляется в Потсдам с целью обеспечить участие СССР в войне с Японией, но по мере приближения атомного проекта к благополучному завершению испытывал все большие сомнения в необходимости делить с «дядей Джо» лавры победителя.

Потсдамская декларация в том виде, в каком она была принята и опубликована, почти не оставляла надежды на то, что Япония согласится с ней: в ней ни слова не говорилось о судьбе императора и государственного строя, чем более всего были озабочены власть имущие в Токио. Следовательно, она развязывала руки американцам для применения ядерного оружия. Одновременно она поставила Советский Союз перед фактом, что столь важное решение было принято без его участия и без возможности повлиять на него.

Объяснение государственного секретаря Джеймса Бирнса насчёт того, что Трумэн не хотел ставить СССР в «неловкое положение» как страну, не воюющую с Японией, рассердило Сталина. Еще 28 мая 1945 г., обсуждая в Москве дальневосточные дела со специальным посланником Белого дома Гарри Гопкинсом, он заявил, что предпочитает компромиссный мир с Японией на условиях полного уничтожения её военного потенциала и оккупации страны, но более мягкой, чем в Германии, пояснив, что требование безоговорочной капитуляции заставит японцев воевать до последнего. Сталин сообщил, что Советский Союз будет готов вступить в войну не ранее 8 августа (армейское командование настаивало на более поздней дате для завершения подготовки), и поднял вопрос об участии в оккупации Японии. Гопкинс предложил предъявить Токио ультиматум от имени США и СССР. Генсек согласился и посоветовал внести этот вопрос в повестку дня конференции. Он даже привёз с собой в Потсдам проект заявления четырёх держав, но его текст, звучавший более мягко, чем американский, остался невостребованным.

28 июля, в начале очередного заседания, Сталин сообщил Трумэну и британскому премьеру Клементу Эттли: «Мы, русская делегация, получили новое предложение от Японии». «Хотя нас не информируют как следует, когда какой-нибудь документ составляется о Японии, – выразительно заметил Сталин, – однако, мы считаем, что следует информировать друг друга о новых предложениях». Затем, как сказано в протоколе, был зачитан английский перевод «ноты Японии о посредничестве». Что это за документ?

13 июля японский посол в Москве Наотакэ Сато передал заместителю наркома иностранных дел Соломону Лозовскому текст послания японского императора, пояснив,

что для его официально вручения в Москву хотел бы прибыть бывший премьер-министр Фумимаро Коноэ как специальный посланник и доверенное лицо монарха. Вот перевод этого документа из Архива внешней политики РФ:

«Его Величество Император Японии, глубоко озабоченный бедствиями и жертвами народов всех воюющих стран, увеличивающихся изо дня в день в результате нынешней войны, выражает свою волю, чтобы положить скорее конец войне. Поскольку в Восточно-Азиатской войне США и Англия настаивают на безоговорочной капитуляции, Империя будет вынуждена довести войну до конца, мобилизуя все силы и средства, за честь и существование Отечества. Однако, в результате такого обстоятельства неизбежно усиленное кровопролитие у народов обеих воюющих сторон. Его Величество крайне обеспокоен в этой мысли и изъявляет пожелание, чтобы на благо человечества в кратчайший срок был восстановлен мир».

Лозовский заметил, что послание не имеет адресата и непонятно кому направлено. Посол, как гласит протокол беседы, ответил, оно «не адресовано особо кому-либо. Желательно, чтобы с ним ознакомился глава государства г-н Калинин и глава советского правительства Сталин». Руководство «страны богов» – как всегда – хотело сначала выяснить, примут ли Коноэ в Кремле, и только потом открыть карты. В Токио Высший совет по руководству войной продолжал обсуждать, что можно предложить Советскому Союзу за помощь в выходе из войны. В «чемоданчике» Коноэ лежали Южный Сахалин, Курилы, Маньчжурия как сфера влияния, отказ от рыболовных прав и даже сдача Квантунской армии в плен, о чём японцы по понятным причинам вспоминать не любят.

Сталин не собирался принимать посланца из Токио «авансом». 18 июля Лозовский ответил послу: «Высказанные в послании императора Японии соображения имеют общую форму и не содержат каких-либо конкретных предложений. Советскому Правительству представляется неясным также, в чем заключаются задачи миссии князя Коноэ. Ввиду изложенного Советское Правительство не видит возможности дать какой-либо определенный ответ по поводу миссии князя Коноэ». Получив этот вежливый отказ, Сато немедленно послал министру иностранных дел Сигэнори Того телеграмму, в которой предложил безотлагательно согласиться на капитуляцию. Того решительно ответил, что Япония будет сопротивляться до последнего, и велел добиться согласия Москвы на приезд миссии Коноэ. Исполняя приказ шефа, посол 25 июля снова пытался уговорить Лозовского. Но было поздно.

«В этом документе ничего нового нет, – заметил Сталин, сообщив Трумэну и Эттли о послании императора. – Есть только одно предложение: Япония предлагает нам сотрудничество. Мы думаем ответить им в том же духе, как это было в прошлый раз», то есть вежливым отказом.

Узнав о Потсдамской декларации из радиопередачи Би-Би-Си, посол Сато сделал вывод, что без предварительного уведомления и согласия советской стороны такой документ появиться не мог. Он немедленно сообщил в МИД, что это и есть ответ на предложение о присылке миссии Коноэ. В Токио царил растерянность. Принять декларацию не позволила армия, но Того убедил официально не отвергать её, чтобы не обострять ситуацию. В газеты попало слово мокусацу – «убить молчанием» или «игнорировать» – которым стали определять позицию правительства.

5 августа Сталин и Молотов вернулись в Москву. 6 августа 1945 года первая американская атомная бомба была сброшена на Хиросиму. Трумэн не мог скрыть радости и оповестил о случившемся весь мир. Военный министр Японии генерал Корэтика Анами обратился к

учёным-физикам с вопросом, что такое «атомная бомба». Советский вождь таких вопросов не задавал. Он ещё в Потсдаме узнал, что у США есть ядерное оружие, но не ожидал столь быстрого его применения. Сталин понял, что это предупреждение не только японцам, и решил не медлить.

8 августа в 17 часов по московскому времени Молотов принял японского посла, который давно просился к нему. Говорить о миссии Коноэ не пришлось. Нарком сразу же прервал гостя, сказав, что должен сделать важное заявление: с полуночи 9 августа, т.е. всего через час по токийскому времени, СССР и Япония находятся в состоянии войны. Мотивировка проста: Токио отклонил требования Потсдамской декларации; союзники обратились к СССР с просьбой о вступлении в войну, и тот, «верный союзническому долгу», принял предложение.

Утверждение о том, что союзники попросили Москву вступить в войну, следует из протоколов Потсдамской конференции, изданных МИД СССР. Однако в опубликованном протоколе беседы Молотова с Трумэнном 29 июля была сделана купюра, восстановленная историками только в 1995 г.: «Молотов говорит, что у него есть предложения, связанные с положением на Дальнем Востоке. Для Советского Союза было бы удобным поводом для вступления в войну против Японии, если бы союзники обратились к нему с просьбой об этом (выделено мной. – В.М.). Можно было бы указать, что, в связи с отклонением Японией требования о капитуляции...» и так далее, как потом в советском заявлении.

Когда советское руководство решило вступить в войну с Японией? Политическое решение об этом было впервые оглашено Сталиным – в глубокой тайне – в октябре 1943 г. на Московской конференции министров иностранных дел антигитлеровской коалиции, а в протоколы попало на Тегеранской конференции «большой тройки» в конце ноября – начале декабря того же года. Японцы об этом, конечно, не знали. Они утешались отсутствием в иранской столице Чан Кайши, что позволяло считать конференцию военным советом против Германии. Аналогичным образом было истолковано отсутствие советских представителей на Каирской конференции, когда Рузвельт и Черчилль по пути в Тегеран встретились с Чан Кайши. Именно там была принята декларация с требованием безоговорочной капитуляции Японии, опубликованная 1 декабря 1943 г.

Когда же Москва приняла тактическое решение вступить в войну на Дальнем Востоке? Трудно сказать точно, но на Ялтинской конференции в феврале 1945 г. оно было закреплено официально. По секретному соглашению от 11 февраля Советский Союз получал за это Южный Сахалин и Курилы; Дайрен становился международным портом с преимущественными правами СССР; Порт-Артур возвращался Советскому Союзу как арендованная военно-морская база; КВЖД и ЮМЖД переходили под советско-китайский контроль с обеспечением преимущественных интересов СССР и полного суверенитета Китая в Маньчжурии; государство Маньчжоу-го ликвидировалось и становилось частью Китая, который, в свою очередь, отказывался от каких-либо прав и претензий на Внешнюю Монголию (МНР). 26 и 27 июля совместное заседание Политбюро и Ставки окончательно закрепило решение о вступлении СССР в войну, которое на следующий день было доведено до исполнителей тремя директивами за подписью Сталина.

Сразу после полуночи 9 августа советская армия нанесла удар по японским позициям в Маньчжурии и Корее. Через несколько часов вторая американская бомба была сброшена на Нагасаки. Вечером того же дня в дворцовом бомбоубежище в Токио состоялась Императорская конференция – совещание монарха, председателя Тайного совета, премьера, ключевых министров и начальников генеральных штабов армии и флота. Вопрос был один: принимать или не принимать Потсдамскую декларацию. Понимая, что

война проиграна, император сопротивлялся безоговорочной капитуляции до последнего, рассчитывая на посредничество Москвы. Теперь надеяться было не на что, о чём прямо сказал премьер Кантаро Судзуки. Резолюция, подготовленная в МИД, предусматривала принятие условий декларации, «понимая их в том смысле, что они не содержат требования об изменении установленного государственными законами статуса японского императора». Высший совет по руководству войной под давлением военного министра и начальников штабов соглашался на капитуляцию при следующих условиях: «1) она не затрагивает императорской фамилии; 2) японские войска, находящиеся за пределами страны, демобилизуются после свободного их отвода с занимаемых территорий; 3) военные преступники будут подлежать юрисдикции японского правительства; 4) не будет осуществлена оккупация с целью гарантии (выполнения условий капитуляции. – В.М.)». Министр иностранных дел предлагал ограничиться первым пунктом. Военные настаивали на всех четырёх. Император одобрил проект МИД, но Вашингтон отверг его, не желая слышать ни о каких оговорках.

Только 14 августа кабинет смог выработать текст рескрипта о капитуляции. Император решил обратиться к народу по радио с призывом «вынести невыносимое». В ночь с 14 на 15 августа группа офицеров столичного гарнизона попыталась поднять мятеж, захватить оригинал сделанной накануне записи августейшего обращения, чтобы не допустить его передачи в эфир, и уничтожить «капитулянтов» из правительства. Выступление провалилось из-за отсутствия поддержки, а его зачинщики покончили с собой. 15 августа японцы впервые в истории услышали голос монарха. Именно эта дата считается в Стране восходящего солнца днем окончания войны.

Американский историк Цуёси Хасэгава, японец по происхождению, написал лучшее на настоящий момент комплексное исследование данного вопроса «Наперегонки с врагом. Сталин, Трумэн и капитуляция Японии», опубликованное в 2005 г. Его вердикт, вынесенный на основе впервые сведенных воедино японских, советских и американских источников, гласит: «Вступление СССР в войну потрясло японцев больше, чем атомные бомбы, поскольку оно положило конец всем надеждам придти к соглашению, хоть немного отличному от безоговорочной капитуляции... (Оно) сыграло бóльшую роль, чем атомные бомбы, в принуждении Японии к капитуляции».

Конечно, и в данном вопросе учёным ещё есть чем заняться. Но если подойти к проблеме всесторонне и непредвзято, вердикт вряд ли будет иным.

© Василий МОЛОДЯКОВ - доктор политических наук